

Глава XXIII. Убийство Фермина Галана

249

Удивительно быстрое восстановление профсоюзной силы НКТ, влияние её митингов на рабочих и распространение её газет должны были превратить это объединение в самую значительную пролетарскую организацию страны. Такое утверждение со стороны анархо-синдикалистов наполняло ужасом сердца не только господствующих классов монархии, но также и политиков, борющихся против неё. Но если этот факт устрашал всех вышеуказанных, то беженцы, укрывшиеся во Франции и Бельгии, были очень ему рады. Все лишения и преследования теперь, казалось, оправдывали себя. Наступало время жатвы, и надежда была на обильные плоды. Многие ссыльные, воодушевлённые сопротивлением в Испании, не желали ожидать победы республики и вместе с ней — политической амнистии и приняли решение тайком пересечь границу. Среди активистов, строивших такие планы в Париже, был и Хуан Мануэль Молина, который вскоре станет известным под псевдонимом Хуанэль, возглавляя печатный орган *Tierra y Libertad* («Земля и свобода»), а также издательство «Этил». По причине многочисленных судебных процессов ему будут предъявлять постоянные обвинения в «нарушении законов печати».

Для беженцев в Брюсселе возрождение конфедерации и анархизма в Испании было огромной радостью, манящей вернуться к революционной работе. Но предостерегающий голос, например, Либерто Кальехаса или Эметерио де ла Орден, притормаживал начальные и буйные порывы Аскасо и Дуррути. Действительно, их час пока ещё не пришёл. В Испании дела обстояли по-прежнему, и старые судебные структуры тотчас же принялись бы за своё дело, в том случае если бы наёмные палачи Мартинеса Анидо, сводя старые счёты, раньше не изрешетили их пулями. Другими словами, необходимо было подождать. Однако ожидание было не только долгим, но и чреватым сомнениями и беспокойствами: реорганизация НКТ шла в хорошем ритме, и анархизм тоже, казалось, восстанавливался, но наряду со всем этим существовали глубинные противоречия, влияющие на будущие решения. Действия антагонистических сил пестаньизма и анархизма, каждая из которых тянула к себе, тормозили ход НКТ и мешали радикализации революционного процесса.

Тем временем новости из Испании для бездействующих в Брюсселе активистов были полны оптимизма: НКТ в Валенсии возрождалась быстрыми темпами; занимала новые позиции в Арагоне; пробивалась вперёд, хотя и с трудностями, в Мадриде; хромала в Севилье по причине лидеров сталинистского характера, в прошлом двух членов НКТ — Хосе Диаса и Мануэля Адаме, — которые намеревались превратить этот филиал НКТ в придаток московского монстра (КП). Но где организация была наиболее активной, так это в Каталонии и особенно в Барселоне. Профсоюз рабочих-строителей, насчитывающий 42 тыс. членов,

избрал своим председателем одного из «Солидарных» — Рикардо Санса. Профсоюз металлургов, также восстановленный, наложил вето на вступление Пестаньи на пост генерального секретаря НКТ. Но что более всего поражало — так это то, что заводские текстильные рабочие пополнили ряды НКТ в результате решения всеобщего собрания фабричных делегатов, проведённого 29 апреля 1930 года в кинотеатре Меридиана, в квартале Клот. Две тысячи делегатов — представители пролетариев из различных подразделений текстильной профессии — единодушно проголосовали за вступление в профсоюз НКТ. Остальные каталонские провинции не отставали от столицы. 17 мая на Региональном пленуме был вынесен на обсуждение вопрос о создании конфедерального органа печати *Solidaridad Obrera* («Рабочая солидарность»). 6 июля ещё один Региональный пленум, на котором были представлены 22 местные организации, решил, что 1 августа выйдет в свет первый номер *Solidaridad Obrera*.

27 июня был избран секретариат Национального комитета без Пестаньи. Генеральным секретарём стал Прогресо Альфараче, другим его представителем — Мануэль Сирвент, одновременно входивший в Иберийский комитет ФАИ250.

Одновременно с реорганизацией НКТ анархистские группы готовили план мятежа, задуманного капитаном Алехандро Санчо, бывшим в тесном контакте с ФАИ. План подразумевал восстания и забастовки в ряде важных провинциальных столиц, что впоследствии привело бы к движению с последующей поддержкой в таком направлении: Бильбао, Логроньо, Сарагоса, Калатаюд, Теруэль, Сагунто и Валенсия. Таким образом, вся Андалузия в результате революционной волны охватывалась рабочим энтузиазмом. Перерезав коммуникации и заставив правительство решать многие срочные вопросы, между тем как Каталония оказывалась в изоляции от всей Испании, не оставалось ничего другого, как вооружить народные массы, и для этого было достаточно атаковать Маестранса и Артиллерийский парк в Барселоне, где имелось большое количество ружей, боеприпасов и другого вооружения251.

Чтобы привести в исполнение этот повстанческий план, заговорщики создали в Каталонии Революционный комитет военно-технического характера, который должен был действовать совместно с Региональным каталонским комитетом НКТ. В него входили: капитан Алехандро Санчо (техническая часть); студент и офицер телеграфной службы Рикардо Эскриг (представлял студентов, симпатизирующих ФАИ), Мануэль Эрнандес (Иберийский комитет ФАИ), а Бернардо Поу и Х.Р. Магринья представляли революционный комитет НКТ Каталонии.

Восстановление рабочего движения анархо-синдикалистской тенденции являлось составной частью процесса, начавшегося с приходом к власти Дамасо Беренгера. Однако в то же время нельзя было упускать из вида негативные аспекты этого процесса, которые могли привести к контрреволюции, замаскированной демагогией под истинно революционное действие.

Контрреволюция нашла нужного ей человека, которому удалось сплотить вокруг себя все оппозиционные и монархические силы. Это был Мигель Маура, сын Антонио Мауры. В этом случае справедлива поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает». Мигель Маура,

монархист до мозга костей, с самого начала головокружительного процесса разложения аристократии и монархии ясно уловил, что наилучшим способом спасти интересы привилегированных слоёв и даже саму монархическую власть, являются переход со всеми своими чемоданами в лагерь оппозиции и публичное заявление о своих республиканских идеях. Он сообщил своё мнение королю, перед тем как во всеуслышание заявить о своей позиции: «либерал правого толка умеренных республиканских взглядов». «Если мои коллеги по партии пойдут тем же путём, — провозгласил Маура, — мы не только создадим “матрас” для удобного и безопасного падения монархии, но и добьёмся политических перемен, всего лишь слегка подкрашивая королевский герб»²⁵². Однако «партнёры» по партии Мигеля Мауры, ленивые до бесконечности, решили, что если они дадут свободу действия Мауре, то всё остальное уладится само собой. Лишь один товарищ из лагеря Мауры, помощник графа де Романонеса, встал на позицию республиканцев (наверняка по приказу шефа) в апреле 1930 года, объявляя себя приверженцем этой идеологии, ещё более умеренным, чем Маура. Его звали Нисето Алькала Самора, в прошлом — министр обороны в правительстве Альфонсо XIII.

Мигель Маура и Нисето Алькала Самора с дрожью наблюдали за возрождением профсоюзного объединения и за тем, как рабочие, особенно в Барселоне, начинали диктовать свои правила каталонским предпринимателям, бросая им вызов проведением крупных стачек. «Революционный процесс, — говорил себе Маура, — ведёт себя как вырвавшаяся из удила лошадь. Правительство Беренгера запустило в ход машину, но не способно контролировать её и стало слугой этого механизма. Если мы допустим, — повторял Маура, — развитие данного процесса без направления и контроля, то его результатом будет не что иное, как глубинная революция, которая полностью снесёт монархическое государство: народная волна сметёт всё подряд, и Испания превратится в огромного масштаба “совет”, и кроме того, анархистского толка».

Как же управлять такой ситуацией, на какие силы опереться и как направить народное движение в нужное русло, добиться его превращения в послушную массу, реагирующую на жезл правителей? Теперь Мауре было недостаточно стать республиканцем; на этот раз обстоятельства вынуждали его вступить на путь «революционера». Но при чьей поддержке?

Единственной политической силой, способной поддержать Мауру и привести к победе его контрреволюционный план, были Социалистическая рабочая партия Испании и Всесоюзная конфедерация труда, полностью послушная этой партии. Основная причина эффективности данной силы состояла в том, что она была единственным политическим объединением, входящим в революционный процесс. При этом полностью управляла своими силами и организационными партийными и профсоюзными структурами, не тронутыми в годы репрессий. Её кадры почти не пострадали от преследований, потому что подчинились диктатуре. Кроме того, Маура мог успешно маневрировать, если заручался поддержкой Индалесио Прието, стоявшего в оппозиции политической линии ИСРП перед самой диктатурой и вследствие этого имевшего бóльшую популярность, чем Ларго Кабальеро, который служил государственным советником в правительстве Примо де Риверы.

Как только Маура в своих размышлениях пришёл к этому пункту, было уже недопустимо терять время. Он переговорил с Прието и, придя к согласию, перешёл Рубикон. 17 августа

1930 года он созвал в Атенео Сан-Себастьяна совещание политических «лидеров, не имеющих представительства», другими словами — не обладающих поддержкой народа. Там, на его кухне, должен был быть «приготовлен» так называемый Сан-Себастьянский пакт. На этой знаменитой встрече присутствовали: Алехандро Леррус, Марселино Доминго, Альваро де Альборнос, Анхель Галарса, Мануэль Асанья, Сантьяго Касарес Кирога, Мануэль Карраской-Формигера, Матиас Мальол, Хауме Айгуадер, Нисето Алькала Самора, Мигель Маура, Индалесио Прието и Фернандо-де-лос Риос. Эта горстка людей претендовала на представительство нижеуказанных политических уродов, причём от каждой партии участвовало определённое количество членов: Республиканский альянс (1), Социалистическая радикальная партия (3), Республиканская левая (1), Республиканская галисийская федерация (1), Аксио Каталана (Каталонское действие) (1), Республиканское действие Каталонии (1), Естат Каталá (Каталонское государство) (1), Республиканская либеральная правая (2). Индалесио Прието и де-лос-Риос представляли сами себя. Почётными участниками были Фелипе Санчес Роман (юрист), Эдуардо Ортега-и-Гассет (юрист) и Грегорио Мараньон (врач). Профессии политических представителей: неопределённые (2), школьный учитель (1), историк (1), преподаватель литературы (1), адвокат-писатель, пишущий на военные темы в мирное время (1), адвокаты (3), экономисты (2), врач (1), неопределённая, с претензией на журналиста и экономиста на базе самообразования (1).

О чём шла речь на этом собрании?

«Мы говорили о подготовке революционного движения, в которое верили совсем немногие, однако оно считалось необходимым в качестве орудия истощения режима и знака тревоги для правителей. Затем был назначен Революционный исполнительный комитет, призванный руководить республиканской политикой и самим движением, если в таком была бы необходимость. Состав Комитета: Алькала Самора (президент), Индалесио Прието, Мануэль Асанья, Фернандо-де-лос-Риос, Марселино Доминго, Альваро де Альборнос и Мигель Маура»²⁵³.

Первое, что сделал данный Комитет, — это пришёл к согласию с Социалистической партией, которая заявляла о поддержке «пакта» с условием, что ей будут отданы четыре министерства в республиканском правительстве. В случае если движение набирало силу, Социалистическая партия обязывалась через ВКТ объявить всеобщую забастовку, но это должно было произойти после того, как преданные Комитету военные выступили бы на улицы городов с оружием в руках против монархистов. Как умелый адвокат, Мигель Маура добился наиболее оптимальных условий для капитуляции монархии. Верно и то, что существовала политическая и рабочая сила, которую никто не принял во внимание и не подписал с ней никакого соглашения, то есть НКТ и ФАИ. Кроме того, существовали военные, имевшие связи с этими организациями, например, капитаны Алехандро Санчо и Фермин Галан, которые, если и не входили в ряды ФАИ, то поддерживали с ними прочные отношения; и с другой стороны, они, так же, как и другие молодые офицеры, подготавливали восстания, причём некоторые из таких проектов заслуживали внимания. Как демонтировать все упомянутые операции, планируемые анархистами, и каким образом помешать прямому вмешательству НКТ в процесс передачи власти, не затрагивая при этом манёвры политиканов? Мигель Маура не располагал средствами для излечения этих

недугов. Трюк с министерскими постами, быть может, оказался бы действенным для пестаньистской фракции НКТ, но влияние ФАИ в рядах НКТ превращало в иллюзию любое похожее намерение. В такой ситуации наилучшим решением являлся кол... И таким колом обладал некий генерал, поклонник монархии и друг Мауры Эмилио Мола, Генеральный директор безопасности. Если бы Мола смог умело обходиться с таким колом и если бы Исполнительному комитету удалась дипломатическая игра, то повстанческие планы капитанов-анархистов были бы сорваны, самые неуёмные рабочие заключены в тюрьмы, все профсоюзные организации закрыты — таким образом, НКТ оказалась бы разрозненной. Именно такой план задумали Маура и Мола.

Первой практической акцией плана явилось официальное письмо от Мола всем губернаторам, приказывая начать 11 октября аресты в рядах НКТ и ФАИ. В результате этой облавы были арестованы Алехандро Санчо, впоследствии погибший в военной тюрьме; Рамон Франко, Рикардо Эскриг, Анхель Пестанья, Мануэль Сирвент, Пер Фуа, Себастьян Кларá. Целый ряд активистов были вынуждены скрываться, что ослабляло их взаимодействие и силу. Эта атака на анархистов и мятежных военных проявила значимость генерала Мола, который своими действиями оказал большую услугу конспираторам из Сан-Себастьяна, так как практически подготовил почву для их политических манёвров. Быть может, Мола, сам того не замечая, направил историю в иное русло. Если бы раскрытый заговор — по причине арестов в Барселоне — имел успех, то, как его следствие, произошла бы социально-политическая революция с целью установления республики. Но жребий был брошен. И аресты анархистов пошли на пользу заговорщикам, так как привлекли в их ряды многих сторонников, выполнявших приказы Мола. За всеми этими движениями, фабрикуя цепь событий и строя планы на будущее, стояла фигура Мигеля Мауры, который, среди других игроков, практически ставил Мола на свою шахматную доску.

История не один раз свершается по воле случая; и именно случай содействовал передаче Моле 12 ноября одного обстоятельства, определившего превосходство заговорщиков. В этот день в одном из неудачно построенных домов на мадридской улице Алонсо Кано произошла ужасная катастрофа. В здании работало четверо рабочих, и, когда дом осел, все погибли. Испания, сверхчувствительная по причине политической нестабильности, содрогнулась от этой трагедии. Рабочие — строители Мадрида объявили забастовку и организовали публичные похороны своих товарищей. Вмешалась полиция, намереваясь разогнать манифестацию, и, разрядив свои ружья, покончила с жизнью двух участников. В Мадриде объявили всеобщую забастовку, и Барселона присоединилась к мадридцам. Репрессия в столице была слабой, так как ВКТ была под началом социалистов, но в Барселоне была страшной; правительство закрыло все синдикаты НКТ, и тюрьмы вновь заполнились активистами. После такой суровой расправы организация практически оказалась в безвыходном положении; так был нанесён тяжёлый удар испанскому пролетариату — ведь Барселона представляла из себя движущую силу рабочего движения в Испании.

В кабинете генерала Мола накапливались нерешённые проблемы общественного порядка. Между тем последней новостью был побег командира авиации Рамона Франко, арестованного 11 октября по обвинению в заговоре с анархистами. Календарь показывал 25 ноября. Как бы поступил Рамон Франко? Присоединился бы он к Фермину Галану, который энергично продолжал подготовку военного манифеста? Мола был старым другом Фермина

Галана — ещё со времён их совместной службы в Марокко. Генерал Мола знал, что заговор Нисето Алькалы Саморы был полнейшим бредом и что Фермин Галан выступит один. Что же делать, как изменить его намерение? У Мола под рукой не нашлось ничего иного, кроме чернильного пера, и 27 ноября 1930 года он написал Фермину Галану письмо. Там он говорил следующее: «Правительству и мне также известны Ваши революционные действия и Ваши намерения поднять мятеж в гарнизоне. Дело крайне серьёзное и может привести к непоправимым последствиям (...). Я Вас очень прошу подумать над моими словами и, приняв решение, руководствоваться не преходящими страстями, а тем, что Вам продиктует Ваша совесть»²⁵⁴.

Искал ли Фермин Галан своей смерти? Этого мы никогда не узнаем. Правда то, что после размышлений совесть Галана вопрошала его — и за это он заплатил собственной жизнью: — существовали ли на самом деле революционные намерения в испанских вооружённых силах и политических совещаниях руководителей Мадрида? «Галан, как он чётко заявил в телихорадочные дни, был сыт по горло неудачами 1926 года и не желал рассчитывать на поддержку ни генералов псевдо-революционеров на манер Бласкеса, ни политиков-оппортунистов, каковыми практически были для него все “телефонные” (как называл он членов Революционного исполнительного комитета). Большинство солдат Хаки благоговели перед ним и последовали бы за ним повсюду. Ему удалось привлечь к себе достаточное число офицеров, даже из консерваторов и католиков, как, например, капитана пулемётной части Анхеля Гарсию Эрнандеса. Другие товарищи не поддерживали его донкихотства, но по крайней мере шестьдесят офицеров и унтер-офицеров Хаки стояли на его стороне»²⁵⁵. Верно то, что после ареста Алехандро Санчо и краха всего Революционного комитета Каталонии Галан потерял наиболее важную точку опоры. Однако мы повторяем: у него было право предпринять попытку мятежа как наиболее открытый и честный способ испытать на деле всех заговорщиков. И если они покидали его на поле боя, то рабочий класс был обязан извлечь полезные уроки и принять меры, чтобы не стать пушечным мясом под руководством изменников из Исполнительного комитета в Мадриде. Галан знал: это могло стоить ему жизни. Оставим теперь рассуждения о том, искал ли он сам смерти или нет.

Всеобщая забастовка, объявленная НКТ в ноябре в Барселоне как акт солидарности с Мадридом, продержалась с 16 до 22 ноября. Затем последовала репрессия. Именно в самый её разгар Исполнительный комитет Мадрида впервые установил контакт с НКТ. Мигель Маура и Анхель Галарса выехали в Барселону. Они побеседовали с Пейро, задав ему такой вопрос: «В случае развития революционного подъёма поддержит ли его НКТ, объявляя всеобщую забастовку?»²⁵⁶ Пейро, директор Solidaridad Obrera, ответил, что передаст вопрос Национальному комитету. Поскольку тот не располагал полномочиями для принятия решения, то созвал Национальный пленум на 15 ноября; там было принято решение при оппозиции со стороны филиала в Леванте «организовать службу сбора информации при участии политических элементов с целью создания революционного движения»²⁵⁷. Эта резолюция представляла из себя уверенный шаг назад. До сих пор позиция НКТ была такой: «составлять конспиративные планы, не входя в союз и не принимая обязательств с политиками». Что же произошло? Смена тактики может быть объяснена различными причинами: истощение сил ввиду стачечных проблем в Барселоне — таких как, например, конфликт с Трамвайной компанией, спровоцированный губернатором, который категорически отказывался признать профсоюз работников транспорта; репрессия 11

октября, которая лишала НКТ её военного конспиративного аппарата, и последующая расправа в ноябре. Всё это вместе взятое, думается, ослабило НКТ и влияние ФАИ. В снижении революционного радикализма наверняка вышла на поверхность позиция «паузы», пропагандируемая Пейро и Пестаньей, которые искали альянса с политическими элементами с целью отвести прямую атаку против НКТ, хотя это и не входило в планы генерала Моля, так как для него наиболее ярым врагом была именно эта организация, неважно под чьим руководством: Пестаньи или Альфараче. Такого же мнения придерживался Мигель Маура, без всякого стеснения не раз заявлявший об этом и опубликовавший свои тогдашние намерения об указанных событиях в труде, написанном через некоторое время²⁵⁸.

В первых числах декабря 1930 года все события вели к развязке первого и самого драматичного факта революции 1931-го. Революционный комитет Мадрида намечает приблизительную дату: в середине декабря, однако раньше было определено — 12 декабря. Можно было бы сказать, что Мадрид на самом деле и не желал, чтобы люди вышли с протестами на улицы: такие малоконкретные лозунги позволяли любому заговорщику наметить любое число, более подходящее для него самого, или вовсе не выбирать никакого и выжидать, поразмыслив: может быть, и совсем не стоит трогаться с места. Короче, именно это и произойдёт в декабре. Фермин Галан придерживался первой намеченной даты, то есть 12 декабря, и приступил к подготовке военного мятежа, с тем чтобы начать его на рассвете того же дня. Время идёт, и Галан уже беспокоится: в Хаку не приезжает его связной из Мадрида, журналист Грако Марсá. Рано утром 11 декабря он посылает зашифрованную телеграмму в Мадрид: «Пришлите книги в пятницу, 12-го». Это означало: «12 декабря я начинаю восстание». Революционный комитет получил сообщение в тот же самый день — 11-го утром. Тем временем данный комитет уже определил, что 15-е число — день всеобщего восстания. Что же предпринимает Революционный комитет, получив телеграмму? «Телефонные» забывают о телеграфе и вместо того, чтобы отправить телеграмму Галану с подтверждением дня выступления на 15 декабря, прибегают к дешёвой конспирации: поручают журналисту Грако Марсá и Касаресу Кироге выехать в Хаку с целью отговорить «безумного Галана от совершения безумств». Эмиссары выезжают из Мадрида в одиннадцать утра 11 декабря. Через семь часов прибывают в Сарагосу. Чем занимались эти делегаты в Сарагосе? Тайна! Известно только то, что по прибытии в Сарагосу в шесть вечера 11-го числа до Хаки они добрались в час ночи 12 декабря. Приехав в указанную местность, первым делом принялись за поиски гостиницы. Галан жил в гостинице «Мур». Мадридские посланники остановились в «Ла Пальма» на Калье Майор, в двух шагах от «безумца из Хаки». Марсá предлагает выйти на связь с Галаном, однако Касарес Кирога убеждает того, что лучше им лечь спать, так как они очень устали»²⁵⁹.

В то же самое время, когда Грако Марсá и Касарес Кирога принимают решение заснуть без задних ног, в гостиничном номере Галана держат совет самые преданные офицеры-мятежники. Они оттачивают последние детали плана и заканчивают примерно в четыре часа на рассвете. В это время Галан направляется в казарму «Виктория» и возгласом «Да здравствует Республика!» поднимает на ноги солдат. Солдаты шумно приветствуют его. Восстание начинается, «в то время как эмиссары Республики в полном неведении спят в своё удовольствие ещё несколько часов».

Военные из Барселоны — участники заговора — получили сообщение от Регионального комитета НКТ с напоминанием, что нельзя оставлять мятежников из Хаки без поддержки. Они пожалы плечами и даже не пошевелили пальцем, чтобы прийти на помощь. Гарнизон в Лэриде, также информированный тем же Региональным комитетом НКТ, (Бернардо Поу и Х.Р. Магриньей), тоже не сдвинулся с места²⁶⁰. На рассвете 13 декабря повстанцы завязали бой против гарнизона из Уески под началом генерала Лас Эраса в местности Сильяс. То был бесславный бой как для побеждённых, так и для победителей. Фермин Галан мог бы спастись бегством, как и поступили некоторые товарищи, последовав его совету, но сдался в плен. Спустя несколько часов после боя он вместе с некоторыми боевыми соратниками предстал перед военным трибуналом. Из восьми осуждённых двое были приговорены к смертной казни: Фермин Галан и его друг Гарсия Эрнандес. В 14 часов 14 декабря 1930 года приговор привели в исполнение.

Капитан Гарсия Эрнандес пожелал встречи с духовным служителем. Фермин Галан в уважительной форме отказался от беседы с капелланом: «Вы, наверное, поймёте, что я не изменю мой образ мыслей в столь короткое время, тем более при таких обстоятельствах». Оба капитана попросили убрать им повязку с глаз при расстреле и пожелали встать лицом к стрелявшим. Прощаясь со своими палачами, Галан произнёс: «До нескорой встречи!» И махнул им рукой в знак приветствия²⁶¹. Изрешечённые пулями Фермин Галан и Гарсия Эрнандес погибли, и с ними — Республика...

15 декабря 1930 года, как и ожидалось, не произошло восстания под руководством Нисето Алькалы Саморы. Члены Революционного комитета, опубликовавшие знаменитый манифест «Почему мы восстаём», в ночь с 14 на 15 декабря спокойно разошлись по домам. 15 декабря полиция арестовала всех, пока они принимали ванну или завтракали. Задержанных с большой заботой отправили в тюрьму Modelo в Мадриде, где сам директор приготовил для них «оплачиваемые камеры», включающие прислугу.

В то время как «высшие структуры Революционного исполнительного комитета», с августа работавшие над подготовкой грандиозного восстания, покорно входили в тюремные застенки, на улицах их боевые подразделения оставались в одиночестве. Но поскольку на самом деле единственными бойцами, готовыми идти до конца, были рабочие — а они совсем не доверяли ни этим своим «руководителям», ни социалистам, — то такая ситуация никак не повлияла. Плохо подготовленное военное восстание и пострадавший рабочий класс, особенно в Барселоне, в то же самое время удручённый непонятными событиями в Хаке, привели к тому, что всеобщая забастовка в каталонской столице была мирной и едва проявила себя в Мадриде. Однако в Астурии, где до сих пор не происходили выступления, присутствие пролетариев на улицах было значительным — произошли жёсткие столкновения с полицией, в частности в Хихоне.

С революционной точки зрения баланс оказался отрицательным, особенно если принять во внимание, что слабая организация восстания в Барселоне потерпела поражение после попытки нападения на аэродром в Эль-Прат-де-Льобрегат. Эта атака не удалась, потому что офицеры, принимавшие участие в заговоре, в решающий момент действия отступили от плана. Единственным положительным уроком для рабочего класса являлись те же самые выводы, к которым он пришёл после всеобщей забастовки августа 1917 года: тогда рабочий

класс разрушил мосты, соединявшие его с оппозиционными политическими партиями. Поэтому в настоящей ситуации также можно было ожидать, что после своевременного размышления рабочие поступят точно так же и будут готовы, уже окончательно, сами принимать свои собственные решения...

Антонио Элорса, анализируя последствия декабрьского восстания для НКТ, пишет: «Синдикаты, которые в Барселоне возвратились к нормальной работе лишь после ноябрьской стачки, 30 декабря были закрыты по причине политической всеобщей забастовки. На этот раз Конфедерация предоставила генералу Моле недостающий предлог, для того чтобы покончить с революционным синдикализмом. Так он заявил 7 декабря на собрании губернаторов, а забастовка подтверждала возможность такой меры: “ввиду революционной позиции НКТ мы воспользовались возможностью распустить профсоюзные организации, что являлось настоящей потребностью”»²⁶². Те, кто на Национальном пленуме НКТ в ноябре способствовал собиранию «сведений совместно с политическими партиями», на собственном опыте испытали последствия такой позиции. Некоторые из них — Анхель Пестанья и члены Национального комитета — находились среди сотни активистов, заселившихся в тюремные камеры Ла Модело вплоть до 24 марта 1931 года.

Приведём ещё одну цитату из труда Элорсы. Она ярко показывает, что представлял для НКТ первый триместр 1931 года: «В течение трёх первых месяцев 1931 года основной заботой конфедеральных органов будет возобновление работы вновь закрытых профсоюзов. За исключением ослабленной эффективности репрессивного аппарата, всё напоминало положение при диктатуре, даже правительственные распоряжения преследовать тех, кто платил профсоюзные взносы»²⁶³.

Во время данного трёхмесячного периода, предшествовавшего провозглашению Республики, для этой цели, сознательно или нет, поработали три деятеля: граф де Романонес, Эмилио Мола и Хосе Санчес Герра. Трёхсторонняя деятельность упомянутых лиц прекрасно дополнила друг друга: Мола посредством репрессий обеспечил полную изоляцию НКТ от всех видов деятельности; граф де Романонес вызвал февральский кризис и вместе с ним — крах генерала Дамасо Беренгера и вступление в должность адмирала Аснара. И, наконец, Санчес Герра отказался от формирования правительственного кабинета 17 февраля, если в нём не участвовали деятели от Революционного исполнительного комитета, заключённые в Ла Модело. Монархия не обладала реальной властью, и при таком состоянии дел представлялись возможными только два сценария: либо народное восстание, последствия которого никто не мог предвидеть, либо провозглашение Республики с передачей власти группе людей, которые «покаялись действовать сообща для провозглашения такой Республики, которая бы оставила неизменными экономические и социальные основы Испании». И именно это произошло 13 апреля 1931 года.

Период политической истории с января и вплоть по 12 апреля 1931 года может быть определён как буффонада. В нём особенно выделяется всеобщая трусость монархических кругов, возглавляемых графом де Романонесом, проявленная в феврале, когда граф провоцирует кризис, покончивший с правительством Беренгера.

Причина кризиса заслуживает внимания. Беренгер и Альфонсо XIII пришли к заключению, что единственный способ спасти монархию — это созвать всеобщие выборы. Расчёт был верным: несмотря на заявление оппозиции, объявившей о своём неучастии, мы уверены, что в конце концов, если избирательная кампания и имела бы место, то оппозиция (тогда состоявшая из соцпартии), следуя той же самой линии, что и при диктатуре Примо де Риверы, рискнёт утверждать, бросилась бы в избирательную «схватку», входя таким образом в «игру». Что происходит на всех избирательных кампаниях? Как ведут себя в это время «наиболее радикальные» политики? Каковы их цели и какие средства они планируют использовать? Само собой разумеется, их средства не революционны. Политики от оппозиции всегда претендуют представить себя «добрыми братьями», подмигивая налево и направо с целью заполучить наибольшее количество голосов, и т.д. и т.п. Одни лишь анархисты могли причинить беспокойство избирательному процессу, в который раз разоблачая уловки нормативов. Однако Мола постарался отодвинуть их «в тень» и обеспечить хаос в их организациях. Тогда в результате этих всеобщих выборов — если мы будем руководствоваться результатами муниципальных кампаний от 12 апреля, — монархистам удалось бы заполучить большинство в парламенте, так как в муниципалитеты были избраны 22 150 монархистов и 5875 республиканцев.

Мы располагаем ещё одним веским аргументом в нашу пользу, так как граф де Романонес открыл тюремные застенки тем узникам, которые в будущем могли бы сформировать Временное республиканское правительство, потому что поначалу монархисты способствовали установлению Республики, а затем избежали выполнения официальных результатов выборов. Именно он определил для монархии, какой политической линии ей следовало придерживаться начиная с февраля 1931 года вплоть до самого 13 апреля. Наш аргумент основывается на идее самого Мигеля Мауры. В своей книге он выделяет две вещи: оппозиция не желала социальной революции, даже не политической, и не верила в провозглашение Республики. Мигель Маура пишет: «Уже почти светало (13 апреля), было где-то пять утра, когда мы — Ларго Кабальеро, Фернандо де лос Риос и я — покидали “Каса дель Пуэбло”. Усталые и молчаливые, мы медленно шли пешком до “пасео де Реколетос”. Внезапно Фернандо сказал:

“Сегодняшняя победа позволяет нам принять участие во всеобщих выборах в октябре, и если успех будет таким, как и сегодня, то мы придём к Республике”.

Я бросил взгляд на Ларго и с удивлением заметил, что он выражал согласие с таким странным доводом. Очевидно, ни один, ни другой ясно не представляли себе неизбежные последствия недавних событий».

По словам Мигеля Мауры, он сказал им, что «менее чем через двое суток они придут к власти».

“Они назвали меня мечтателем. Мы простились, договариваясь встретиться спустя несколько часов у меня дома, который с самого начала служил нам главным штабом Комитета»²⁶⁴

Версия #2

Зверобой создал 13 июля 2025 22:04:24

Зверобой обновил 13 августа 2025 21:48:27